

«Гамлобт»- по-грузински «спасибо»!

Господи, как давно это было! А кажется - только вчера. Вот также широко распахнулись мрачные, серые ворота в глубину сцены и выплеснулась на подмостки шумная, веселая, разноликая толпа. Музыка, танцы, пестрый хоровод... Грузинский театр имени Шота Руставели привез в гастроль в Москву осенью 1980 года «Кавказский меловой круг» Б.Брехта в постановке Роберта Стурюа. Этот спектакль, а с ним и шекспировский «Ричард III», и «Синие кони на красной траве» М.Шатрова произвели в столице сенсацию. Ведь в те годы еще никто из режиссеров не позволял себе такого свободного, раскрепощенного, бесстрашного обращения с классикой, такого наглядного сопоставления на сцене эпох, великих исторических имен, реальных событий. Зрительный зал то замирал, почти в истаге, то удивленно ахал, то разрежался громом неудержимых аплодисментов. Нет, столица не открывала для себя какой-то новый театр. Наоборот, зритель, что называется, валом валил на спектакли хорошо знакомого, горячо любимого коллектива, частого гостя Москвы. Зрительный зал открывал для себя другое: реальную возможность свободно мыслить и действовать на сцене без оглядки на то, «что станет говорить юнгяня Марьян Алексеевна», то бишь, по-нашему, руководящие инстанции. И они, разумеется, сказали. Но уже задним числом, когда изменять что-либо было поздно.

И вот снова в Москве Театр имени Шота Руставели. А на афише снова «Кавказский меловой круг», спланированный для показа на гастролях в том же оформлении Георгия Алексия-Месхишвили с музыкой Гиа Канчели. Конечно, были сомнения, ведь прошло уже столько лет. Но тем и удивителен театр, как живой организм, что в нем могут произойти совершенно непредсказуемые вещи: премьерный спектакль может умереть на своем втором представлении, а другой, словно глотнувший средства Макропулоса, будет оставаться молодым десятилетиями!

В программке «Кавказского мелowego круга» - за самым малым исключением - те же фамилии исполнителей: Рамаз Чиквадзе - бесподобный судья Аздак; Гурам Сарагдзе - все в тех же трех ролях одновременно: коварного князя Казбеги, придурковатого Ефрейтора и продажного Монаха; Давид Папуашвили - губернатор и Шалава; Кахи Кавсадзе - солдат Симон Чачава; Жанри Лолашвили и Лейла Сихмашвили - Рассказчик и Музыкант, ведущие спектакль... Список имен можно было бы продолжать до бесконечности. Новое имя - Татули Долидзе, играющая главную героиню Груше Вачнадзе. Тонкий профиль древней камеи, огромные выразительные глаза, легкая, гибкая фигура. В ярко выраженном площадном, балаганном представлении, открытом театре в театре, где допустима любая талантливая волю-

ность, импровизационность игры, Т.Долидзе, не выпадая из общего стиля спектакля, ухитряется принести в него свой собственный, глубоко драматический, изысканный лирический духовный мир женщины, познающей материнскую любовь к ребенку еще не рожденному. Сливаясь воедино, две линии - театра представления и театра переживания - образуют органический сплав огромной эмоциональной силы. К тому же вся сюжетная канва пьесы с государственным переворотами, заговорами, солдатами, не знающими, какой власти они слу-

жат, удивительно точно ложится на наши сегодняшние дни. И как 14 лет назад, «Кавказский меловой круг» словно летит в бешеном ритме на одном дыхании, а зрительный зал замирает от восторга и аплодирует до боли в ладонях.

Второй тоже брехтовский спектакль «Добрый человек из Сычуани» в постановке Р.Стурюа смотрится как бы в отраженном свете, в чем-то варьируя, в чем-то повторяя так блистательно найденные приемы и стилистики «Мелowego круга». Однако нельзя не отметить в нем работы молодой актрисы Нино Кавсадзе в двойной роли Шен Те и мнимого двоюродного брата Шен Те - Шуй Та. Первопопущение превосходное. А прямо противоположный образ, созданный актрисой в «Счастьи Иринэ» Д.Клишвили, где она играет драматическую роль девушки, фактически проданной собственным отцом богатому жениху, говорит о широком творческом диапазоне Н. Кавсадзе.

«Счастье Иринэ», как и «Рождественский сон» по мотивам рассказов Ч.Диккенса, поставленные молодыми режиссерами: первый - Андрo Енукидзе в оформлении Шмели Шеклашвили, второй - Отаром Этадзе и Леваном Цуладзе в декорациях Шота Гурджидзе. Отрадно, что в этих работах не ощущается никакого подражания стилю, манере, приемам художественного руководителя театра, хотя в обоих случаях Р.Стурюа является руководителем постановки.

«Жестокая» мелодрама Клишвили, где, казалось бы, актеры могли «рвать страсти в клочья», решена как раз в очень сдержанной, благородной ма-

нере психологического театра с пристальным вниманием к внутреннему миру героев. И лидирует здесь, бесспорно, Иринэ (Н.Кавсадзе), любящая одного, но вынужденная ради отца выйти замуж за другого, искренно пытающаяся стать духовно близкой мужу и трагически переживающая свое одиночество в чужой, надменной семье.

А «Рождественский сон» предстает изысканной святочной сказкой, в которой, как в сказке и положено, главную роль играют персонажи ирреальные - духи добрые или страшные, подобно очаровательному Духу нынеш-

них Святых Лиллиен (Лела Алибегашвили), или путающего вида Духу Марли (Мурман Джинория), гремевшему своими костями скелета. В этом полуреальном, полужанровом мире допустимы любые превращения и все неудивительно, что Святочный Дух прошлых лет вдруг появляется в облике Наполеона Бонапарта (Темур Чичинадзе). Один только старый Томас Скрудж (Карло Саганелидзе), накрепко привязанный к далам земным, остается как бы неотделимым от своей рабочей конторки, счетов, бухгалтерских grossбухов. А ведь и в его жизни были когда-то молодость, любовь, увлечения...

Театр имени Ш.Руставели гастроллировал в Москве почти месяц. По нынешним временам - дело неслыханное. Но его афиши, рекламы по городу я почему-то не встречала нигде. Даже на фасаде Театра имени Вахтангова, где проходили его спектакли. То ли сам театр понадеялся, что одно его имя и так привлечет всю Москву, то ли об этом не позаботились те, кто принимал его здесь? Сейчас уже поздно говорить об этом и искать виновного. Но то, что многие его спектакли игрались поначалу при полупустом зале, - факт вопиющий и неприятный.

Не скупитесь на московней, дорогие наши гости. Мы по-прежнему горячо любим вас и восхищаемся вашим искусством. Приезжайте к нам почаще. Гамлобт, мегобре - спасибо, друзья!

Наталия БАЛАШОВА.

На сцене: сцена из спектакля «Кавказский меловой круг»
фото Ю.КОЧЕТКОВА.